

Неумолкающее эхо

Амурские поэты о Великой Отечественной войне

В последнее время подхожу к своим книжным полкам с каким-то особым чувством. Делал я стеллажи давненько, не мудрствуя лукаво, из неоструганных сосновых досок. Конечно, можно было пройтись рубанком по шершавым плахам — но почему-то подумалось, что так будет лучше: фактура распила золотисто-жёлтого дерева показалась самодостаточной и не раздражала глаз. На первом плане сразу видны книги, обжившие свои места среди волнистых древесных прожилок, разъятых годовых колец и разнокалиберных сучков, ставших как бы адресными указателями каждой из них. Я знаю книги в лицо и по именам. Могу не глядя взять искомый томик.

Перелистываю страницы малоформатных и покрупнее сборников. Перечитываю стихи моих земляков о далёкой войне, победу в которой мы отметили нынче в семидесятый раз. Слышу голоса старших товарищей и друзей. Книжки обладают волшебным свойством хранить интонацию человеческой речи. В этот хор вплетаются аккордами иной тональности голоса молодых поколений амурских поэтов. Словно эхо давней войны бродит в моём доме — от поколения к поколению, от поэта к поэту.

Чувствую себя среди деревянных конструкций и порядком потрёпанных книжек будто во фронтовом блиндаже. Закрываю глаза после чтения очередного автора, а в ушах гул. То ли это сердце усталое, то ли память неизбывная. Кажется, ещё немного — и услышу трескучий взрыв. Такой, какой грянул над головой **Вячеслава Афанасьева**.

Уроженец Тамбовской области, он в 1923 году девятнадцатилетним пареньком приехал по комсомольской путёвке на Дальний Восток. Работал моряком, грузчиком в морском порту, молотобойцем в железнодорожных мастерских, маляром, прессовщиком бумаги, сортировщиком ракушек. Одновременно учился на восточном факультете Дальневосточного университета. В ту пору начал писать стихи, восхищённый природой и людьми Дальнего Востока. На рубеже 30-х годов был призван в армию, служил в Благовещенске пограничником. После увольнения в запас работал журналистом в «Амурской правде», потом в Хабаровске — в краевом отделении ТАСС, в газете «Тихоокеанская звезда». Возвратился во Владивосток, возглавлял краевое литературное объединение. В 1934 году стал членом Союза писателей СССР. Затем переехал в Москву. В 1941-м ушёл в народное ополчение защищать столицу. Попал в плен, бежал, воевал в партизанском отряде. В 1943-м был тяжело ранен и вскоре скончался.

Ещё на пороге войны, в 1940 году, поэт предвосхищал свою судьбу.

***

Застигнутый последней метой
И не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придётся умереть.

Благословлю её за воздух,
Дыша которым был я смел,
За светлых рек живую воду,
Где телом и душой свежел,

За поле знойное пшеницы,
За сёла и за города,
За наш достаток, где хранится
Зерно и моего труда.

Благословлю земли просторы,
Что жил я здесь в наш светлый век,
Любил её моря и горы,
Как мог свободный человек,

Что здесь учился у народа
Петь песни ясной простоты
И украшать трудом природу
Во имя счастья и мечты.

А теперь о человеке, которому посчастливилось встретить Победу. В годы Великой Отечественной **Константин Овечкин**, коренной дальневосточник, служил в 12-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Благовещенске. Первые его стихи печатались в «Амурской правде», в рубрике «Полевая почта». С августа по сентябрь 1945 года лейтенант Овечкин, корреспондент армейской газеты, участвовал в разгроме японской Квантунской армии в составе 2-й Краснознамённой армии. После войны работал в «Амурской правде». С выпуска первых же номеров альманаха «Приамурье» в начале 1950-х стал его постоянным автором и членом редколлегии. В дальнейшем, переехав в родной Хабаровск, целиком переключился на художественную и документальную прозу. Известность автору принесли произведения, посвящённые событиям 1945-го на Дальнем Востоке.

Тема дружбы между русским и китайским воинами — важнейшая в его творчестве:

Константин Овечкин

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Когда сегодня о Китае
Мой друг беседу поведёт,
Невольно я припоминаю
Суровый сорок пятый год.

Военный август. Битвы в сопках.
Поля маньчжурские в дыму.
Наш батальон по узким тропкам,
В обход врагу, спешит во тьму.

Жестокий бой на горной круче.
Японцы смяты. Город взят.
Сердечным словом, самым лучшим,
Китайцы нас благодарят.

Заслуженной известностью у дальневосточных читателей пользовалась **Любовь Антонова**. Все знали её как прозаика, автора романа «Заслон» о Гражданской войне на Дальнем Востоке и ряда других книг на историческую тему. Стихи писала всю жизнь, но почти до конца жизни никому об этом не говорила. Первая публикация поэтических произведений Антоновой состоялась на страницах «Амурской правды», в которой она сотрудничала после войны вместе с Константином Овечкиным, накануне 90-летнего юбилея писательницы. Случилось это в предпоследний год уходящего двадцатого века.

Как сейчас, помню скромное застолье, которое мы устроили вместе с радиожурналисткой Антониной Токмаковой в квартире Любви Ивановны. После бокала шампанского в свою честь хозяйка дома оживилась и стала читать нам стихи любимых поэтов. А потом достала старенькую общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке и, смущаясь, произнесла тихим голосом: «Хотите, я прочитаю свои стихи?» Это было так неожиданно, что мы не сразу поняли значение слов. Сугубый прозаик Антонова — и стихи? Потом дружно закивали головами: «Ещё как хотим!»

Перед нами отрылась новая, неведомая никому сторона творческого портрета нашей землячки. Среди лирических строк были и стихи о давней поре, когда Любовь Антонова жила в Москве в суровые предвоенные годы. Когда захрохотала война, она вновь возвратилась на Дальний Восток, вначале в Хабаровск, а затем в Благовещенск — до конца дней своих. Поэтические ритмы были строги и вызывали в душе не просто отклик, но искреннее сострадание.

Любовь Антонова

ВЕЧЕР НОВОГОДНИЙ

В бронзовом шандале, плача и шепча,
Воском истекает тонкая свеча.

Шепоток невнятный можно разгадать:
«Уж не ждут обратно ни жена, ни мать...»

Вечер подмосковный... Голубые ели...
И обшлаг холодный новенькой шинели.

На шоссе у Дорохово — мерный шаг пехоты.
В милой Старой Рузе — танки, рвы и дзоты.

В парке дома отдыха — братские могилы...
Сожжена Малеевка... Было это, было...

Годы промелькнули, вот уже двадцатый...
В новом поколенье подросли ребята.

«Боже, ты все можешь, — молит чья-то мать, —
Сделай так, чтоб больше не стали убивать!»

В бронзовом шандале, плача и шепча,
В память о погибших догорит свеча.

Короткий жизненный путь отмерила судьба самому известному дальневосточному поэту, лауреату Сталинской премии **Петру Комарову**. Но в его судьбу успела вместиться война, участие в которой с самых первых её дней наш земляк принял своим поэтическим пером, работая в крайТАСС. Работоспособность его в это суровое время просто поразительна. Уже в первый год войны Комаров издаёт книгу стихотворений «Время бесстрашных». А всего в ту пору им были написаны и опубликованы шесть книг, в том числе и сборник стихотворений «У берегов Амура» (1940), пронизанный высокими патриотическими мотивами, вызванными острым предощущением надвигающихся грозных событий. Важно не забывать, что своё самое знаменитое стихотворение «Приамурье» поэт написал в 1944 году. А годом ранее была создана поэма «Серебряный кубок» о русских землепроходцах 17-го века на Амуре.

Хотя по состоянию здоровья Пётр Степанович Комаров имел полное право находиться в тылу, но в 1945 году он предпринял всё, чтобы попасть в действующую армию военным корреспондентом Хабаровского краевого отделения ТАСС. Несомненно, не случись этого похода, поэт прожил бы дольше своих сорока восьми лет. После победного сентября 1945-го война оставила ему всего четыре года жизни.

Пётр Комаров

9 АВГУСТА 1945 ГОДА

Нет, мы ничего из того не забудем,
С чем шёл к нам японец в двадцатом году:
И горе утрат, принесённое людям,
И муки, и слёзы, и кровь, и беду.

Мы вспомним сегодня, как сёла пылали,
Как пепел Ивановки сердце нам жёг,
Как девушек наших секли шомполами,
Как плакали дети у вражеских ног.

И каждая сопка родимого края,
И каждая речка, и каждая падь
Поведают нам о делах самурая,
О замыслах чёрных напомним опять.

Нет, мы не забудем ни скорбного пепла,
Ни топок, где заживо люди горят.
И ненависть наша сегодня окрепла,
И камни о мести давно говорят.

Двадцатые годы не явятся снова,
И нам не мириться со старой судьбой.
Теперь автомату — законное слово,
Вперёд, мой товарищ! На праведный бой!

Беру с полки небольшого формата книжечку в твёрдом переплёте. «Начало биографии», автор **Дмитрий Цирулик**. Тоже амурский поэт, хотя родился в городе Мытищи Московской области за семнадцать лет до начала войны. Судьба забросила его подростком на восток страны. Школьные годы прошли в Куйбышевке-Восточной (ныне Белогорск). Окончив семь классов, поступил в судостроительный техникум в Комсомольске-на-Амуре. Но стать корабелом не удалось: защищал дальневосточные рубежи от японских милитаристов, участвовал в разгроме Квантунской армии, был ранен. После Победы работал токарем, художником, библиотекарем, воспитателем в детском доме. Руководил литобъединением при газете «Амурский комсомолец». Из-за тяжёлой и продолжительной болезни, которая приковала поэта к постели, был вынужден уйти из газеты, но до последнего дня писал стихи. В том числе и о войне.

Дмитрий Цирулик

* * *

Что я в жизни сделал,
чем могу гордиться?
Остаётся белой
первая страница.
На неё вторая,
как сестра, похожа...
Сколько бы — не знаю —
так ещё я прожил,
но всему черёд свой.
Довелось познать мне
горького сиротства
хмурое ненастье.
Подошла забота,
первая работа.
И за то наградой —
светлой дружбы радость.
Я, забыв про трудности,
брал преграды с боем,
и всегда, повсюду,
друг шагал со мною!
День и ночь трудиться
мог я без отбоя,
на любой странице
был самым собою.
И в глаза любому
погляжу я смело...

Что же я такое
всё же в жизни сделал?

Рыл в степи скопы
в дни декабрьской стужи,
у деревни Броды
был в бою контужен.
С госпитальной койки
я ушёл на стройки
поднимать руины.
Города отстроил,
оживил пустыни,
не сошли мозоли
на руках поныне.
Стыл в таёжных топях.
На звериных тропах
и в глухих отрогах
проложил дороги,
на года, на вечность
утверждая дружбу...

В общем, так отвечу;
делал то, что нужно!
Но не тем горжусь я,
что в труде с рассвета, —
тем, что не грожу я
никому на свете!
Тем, что я не бредил
никогда войною,
что живу на свете
радостью земною.

До сих пор в литературном строю **Нина Релина**, вступившая в десятый десяток лет своей переполненной событиями жизни. Её родина — Урал. В июле 1941 года третьекурсница Свердловского горного института ушла на фронт. Стала радистом первого класса, помощником командира взвода отдельного полка связи. От Москвы через Смоленск и Минск дошла до Литвы. После войны стала журналистом, работала в газетах Свердловска, Режа, Кызыла, Минусинска, Уссурийска, Владивостока и наконец осела в Благовещенске, который Нина Валериановна называет своей второй родиной. Здесь вышли в свет все её произведения, в том числе книга воспоминаний и стихов «Молодость военная моя», за которую она удостоена Амурской премии в области литературы и искусства. Нина Релина — почётный гражданин Благовещенска, автор текста его гимна. Она верна главному солдатскому правилу — быть в строю.

Нина Релина

МОРЗЯНКА

С детства, помню, мечтала
я увидеть Москву.
Годы шли. Подростала.
Сбылся сон наяву.

Только радость той встречи
опалило войной,
ослепило картечью...
Враг стоял под Москвой.

В небе аэростаты.
Трассы пуль над Москвой.
И солдаты, солдаты
прямо с площади — в бой.

Мы, девчонки-радистки,
ловим звуки войны,
неожиданно близкой
под стенами Москвы.

Слабый голос морзянки
тонок, словно струна.
Но в окопе, в землянке
трель морзянки слышна.

По сигналам морзянки,
тем, что мы принимали,
шли в сражения танки,
самолёты взлетали.

Навсегда нам осталась
память огненных лет,
как морзянка вплеталась
в песни наших побед.

В истории литературы Приамурья поэтов фронтового поколения, тех, кому довелось участвовать в боях, насчитывается не так уж и много. Тому есть причины. Кто знает, сколько погибло в сражениях за Родину молодых амурских парней и девушек, которые писали стихи и со временем могли бы вырасти до высот мастерства? А ведь были и такие, чью молодость фашисты опутали колючей проволокой.

Одна из них — **Нехама Вайсман**. Родилась в 1925 году в городе Могилёве-Подольском Винницкой области на Украине. В 1941-м окончила школу и готовилась поступать на медицинский факультет, но война разрушила планы. С 29 июня 1941 по 19 марта 1944 года вместе с родителями находилась в гетто. Там стала вести дневник, в котором появились и первые стихи, что и предопределило дальнейший путь. После войны поступила в Киевский университет на филологический факультет.

В 1950 года вместе с мужем, офицером пограничных войск, приехала в Благовещенск и всю последующую жизнь отдала преподаванию зарубежной литературы в пединституте. Воспитала несколько поколений амурских учителей словесности, писателей и журналистов. Я тоже был в числе учеников Анны Ивановны, как мы называли эту маленькую красивую женщину с добрыми и чуточку печальными глазами. Она была истинным поэтом, чьё творчество уходило своими корнями в неизбывное горе войны.

ИЗ ЦИКЛА «ГЕТТО». 1942–1944

* * *

Отчизна родная, мы ждали тебя...
О, как рассказать тебе
Ту жажду, томившую нас месяца
По тебе, счастливой земле...

Мученье и слёзы, горе и страх,
Обида, рабство, гнёт —
Вот календарь нашей жизни, страна,
Пойми нашу муку, родная...

Ты знаешь, Отчизна,
Твоих детей живыми закапывали в землю,
Земля, обагрённая кровью людей,
Дрожала, стонала и плакала...

И лишь только утром, как солнце взойдёт,
На восток обращали мы взоры...
И ты, сияя утренней звездой,
Вселяла надежду в горе...

Ту веру в тебя мы носили в груди,
И губы часто шептали:
— Отчизна родная! Мы ждём тебя...
Приди, мечта далёкая!..

И тысячи наших погибло.
Вечная память, родные!..
Они завещали нам мщенье,
Оно пришло. Мы дожили.

Названные поэты, которых судьба так или иначе связала с Амурской землёй, и были самым первоначальным голосом войны. Вослед за ними настал черёд тех, кто пережил грозные сороковые годы в ранней юности, а то и вовсе подростками. Пожалуй, именно с них и начинается то литературное явление, которое мы называем эхом войны.

Николаю Фотьеву к началу войны не успело исполниться и четырнадцати лет. Алтайский паренёк вместе с матерью, братом и двумя сёстрами проводил на войну отца, который сражался кавалеристом и пал смертью храбрых осенью 1944 года в Латвии. В том же году по окончании школы Николай поступил в Томский индустриальный техникум, а через год из-за постоянного недоедания вернулся домой в состоянии дистрофии. Все хозяйственные заботы легли на его плечи, поскольку он был старшим из братьев и сестёр. Дети и мать выжили только благодаря щедрой матушке-природе: ловили рыбу, по мере сил и умения охотились, возделывали огород.

Набравшись сил и окрепнув, Николай вновь принялся за учёбу. С отличием окончил Бийский сельхозтехникум, а затем и Благовещенский сельхозинсти-

тут. Поработав в сельском хозяйстве, перешёл в журналистику, а впоследствии стал профессиональным литератором. Заявив о себе как о талантливом баснописце, вскоре обратился и к прозе, писал очерки, повести и рассказы. И лишь в последние годы жизни раскрылся как оригинальный лирический поэт. Мне довелось помогать Николаю Ивановичу выпустить сборник его стихотворных произведений «Мой путь». Приведу здесь строки из этой книги.

Николай Фотьев

***

Не счесть ушедших на тот свет
В течение злых военных лет.
Не счесть всех душ развоплощённых,
Творцом над нами вознесённых
Туда, где им житьё дано.
И, может, там они в одно
Слились — и сделались большой,
Весь мир объёмлющей душой.
И, может быть, она на нас
Влияет как-то всякий раз.

Тема сиротства, рождённого войной, — одна из генеральных линий в творчестве **Леонида Завальнюка**. Войну украинский хлопчик, появившийся на свет в городе Умань Киевской области, встретил десятилетним. Весной того года умерла мать. Отец вскоре после начала войны ушёл на фронт. И начались мытарства эвакуации вдвоём с мачехой. Когда пришла Победа и отец вернулся с войны, произошло чудо — в душе подростка родился поэт. Везде царили запустение и голод, а тут стихи...

Армейскую службу Леонид проходил в артиллерийской части на станции Среднебелая Амурской области. Здесь начал печататься в газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск». В 1953 году в Благовещенске вышла первая книга стихов Леонида Завальнюка «В пути». Как ни удивительно, но в ней не было стихотворений о войне. Книжечка получилась довольно-таки декларативной, что было вполне объяснимо в условиях тех лет. Как показало время, лучшие стихи пришли к автору гораздо позже. Но они появились — и согрели сердца читателей искренней волной сочувствия. За плечами поэта были уже и вечерняя школа, которую он окончил экстерном в Благовещенске, и Литинститут имени М. Горького в Москве. В столицу он перебрался в 1960 году, но связи с Амурской землёй не порывал и всячески гордился своей литературной родиной, где остались жить его друзья.

Леонид Завальнюк

***

Смиренный юноша с бунтующей подкоркой,
Прошедший за войсками в два конца,
Не потому ль я потерял отца,
Что так надменно угощал его махоркой?

Вернувшийся с войны почти что без наград,
В годах немалых, писарь батальонный,
Он думал: я прощу его как человек, как брат.
А я простил как сын. С печалью затаённой.
Он спился. Я живу, забыв о нём навек.
Но где-то там, под памятью, под снами,
Он всё бредёт во мне, бряцая орденами,
Невзрослый, штатский, старый человек.

Олег Маслов родился 31 августа 1932 года в Благовещенске. Детство, довоенное и военное, провёл в горняцком посёлке Кивда. Его отец был поселковым врачом, а в годы войны — главным хирургом Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. Сын пошёл по стопам отца и матери, медицинской сестры. И хотя всерьёз занялся в школе литературным творчеством, тем не менее окончил Хабаровский мединститут, стал кандидатом медицинских наук, основателем анестезиологической службы в Приамурье. Война — как самое сильное впечатление детства — не покидает поэта. Не случайно свою главную тему профессии врача он, как правило, раскрывает через военные образы.

Олег Маслов

ФРОНТОВОЙ ВРАЧ

Памяти отца

Давно уж флаг Победы поднят,
Грозна лишь в памяти война,
А для меня и по сегодня
Не прекращается она:
В строю палаты — как палатки,
И каждый миг — настороже,
И на дежурстве — сон украдкой,
Как в час затишья в блиндаже.

И те ж пустынные глазницы
Передо мною день за днём,
Что нам несли когда-то «фрицы»
На чёрном знамени своём.
Но, как и прежде, смерть встречая,
Не отвожу в смятенье взгляд —
В огне моя передовая,
И я в бою, её солдат.

Я отдал всё, что мог, Отчизне,
И всё ж меня богаче нет —
Ведь отвоёваны для Жизни
Уже десятки тысяч лет!
И пусть по праву добрым людям
Те годы отданы до дня, —
Пока они на свете будут,
Жизнь не оставит и меня.

Ф 983 230

Семилетним мальчишкой увидел **Игорь Ерёмин** в небе над собой кресты на крыльях фашистских самолётов. Война очень скоро нагрянула в его родное село Понзари Сампурского района Тамбовской области. Отец находился на фронте. На руках матери остались четыре сына и дочь, будущий поэт был самым старшим из детей. Вскоре после Победы семья переехала на Дальний Восток в легендарный посёлок Волочаевка. Игорь окончил истфил Благовещенского пединститута. Работал в Хабаровском крае и Амурской области учителем, затем журналистом. Творчество поэта из «глубинки» заметил и поддержал главный редактор журнала «Наш современник» С. Викулов. В 1975 году поэма Ерёмина «Солдатка» была удостоена премии журнала как лучшая поэтическая публикация года. В издательстве «Современник» поэт выпустил книгу «Земные корни», получившую высокую оценку столичных литературных критиков. Лучшие стихотворения поэта — воспоминания о военном детстве. В них искренняя, не утихающая с годами боль невосполнимых утрат, выстраданная радость Победы.

Игорь Ерёмин, вступив в Союз писателей СССР, стал одним из первых шести «отцов-основателей» Амурской писательской организации. На полках моего стеллажа стоят все его семь книг стихотворений и поэм, последняя из которых — «Зрелость» — вышла в свет уже после кончины автора.

Игорь Ерёмин

* * *

Я жил на траурной земле,
Как на большом погосте.
Кресты глаза кололи мне,
Как скрещенные кости.

Кресты на крыльях с высоты,
И самолёты сами
Похожи были на кресты
На бреющем над нами.

Припав к земле, крестился дед,
Пророчествуя грозно:
— Креста на вас, проклятых, нет.
Покаетесь, да поздно...

Война срывала с отчих мест,
Но где он — мира адрес?
На судьбах — крест, на странах — крест,
Вся жизнь кругом крест-накрест.

Кресты! Развалины окрест.
Окно в крестах бумажных.
Несла Россия тяжкий крест
И в бой звала отважных.

И, зная, не даром так густы
Леса под русским солнцем.
Хватило в досталь на кресты
Осины крестonosцам.

* * *

Не хватало тишины,
Как еды и отчей ласки...
Мы в дыму и диком лязге
Жили звуками войны.

Как душа, земля стонала
По ночам, когда пальба
Нас с постели поднимала
И бросала в погреб.

Из разбитых окон школы
Стоны раненых слышны.
Как ожившие иконы,
Были лица их страшны.

И играл, рыдал на хромке
Призывник в последний день.
И, роняя похоронки,
Бабы бились о плетень.

И тянули руки дети.
— Хлеба! — плакали они.
И молчали на планете
Лишь убитые одни.

МАХОРКА

По большаку, в тяжёлых клубах пыли,
Шли торопливо к западу войска.
Мы у бойцов, что в речке воду пили,
Тихонько попросили табака.

Они глядели на худые лица,
На одежонку, что была бедна.
— От рук отбились.
— Как тут не отбиться? —
Солдат солдату говорил. — Война!

И пусть сейчас она совсем негромко
До слуха доносилась — всё равно:
За похоронкой шла к нам похоронка,
А писем с фронта не было давно.

— Беда, и только! — И кисет с махоркой
Достал солдат. — Берите, ребятня.
Курите! — крикнул он с надсадой горькой. —
Войну закончим — будет вам ремня!

Так он напомнил нам: мы были дети.
И боль отца в его словах была.
И думал я, как дальше жить на свете,
И горько мне цигарка губы жгла.

Не все дети, одолевшие военное лихолетье, смогли обнять возвратившихся с войны отцов. Иные и сами получили свою порцию свинца и стали на фронтовых дорогах, подобно украинскому хлопчику, уроженцу села Верабово Днепропетровской области **Станиславу Повному**. Во время эвакуации вместе со старшим братом они потеряли семью. Детей приютили солдаты артиллерийского полка. В декабре 1944 года под Будапештом братья оказались на переднем крае и попали под огонь вражеских миномётов. Старший брат Олег погиб, а Станислав был тяжело ранен и навсегда потерял зрение. После войны окончил школу с золотой медалью и поступил на исторический факультет Ужгородского университета, с дипломом которого приехал в Амурскую область. Работал учителем истории. Писал стихи и рассказы, большей частью о войне, сотрудничал с программой «Содатский час» Амурского радио, публиковался в областных и армейских газетах, различных коллективных сборниках и альманахах. Станислав Петрович Повный издал 16 своих книг, вступил в Союз писателей России. До 70-летия Победы не дожил трёх лет.

Станислав Повный

ИЗ ДЕТСТВА

Кашляли надрывно миномёты
где-то на незримой высоте,
заставляя падать наши роты
прямо в грязь в промозглой темноте.
Землю перепахивали мины.
Закипая, дыбился Дунай.
Ночь. Война. Альфельдская равнина.
Наступленье и передний край.
На исходе был сорок четвёртый.
Память, стой! А сколько ж было мне?
Всё в тумане, только помню твёрдо:
командир строжайше старшине
приказал не брать меня в разведку,
не пускать на линию огня.
Тот кивнул: «Понятно, — малолетка...
Вот такой же дома у меня».
Добрый дядя великан Нелидов...
Старшину я, как отца, любил,
но в ту ночь мальчишечью обиду
на него я в сердце затаил.
Разве мог я думать в ту минуту,
что всего через какой-то час,
кровью сердце обагрив под утро,
воздух он вдохнёт в последний раз?
Мог ли знать, что утром, на рассвете,
от Дуная в двадцати шагах,
мне в лицо огнём ударит ветер
и погасит свет в моих глазах?..

Старшина Нелидов... Ты старался
уберечь мальчишку от огня.

Да не уберёг. Прости меня.
Я б тебе живому не признался.
Но уснул ты в стороне чужой
вечным сном на берегу Дуная,
и шумит, о чём-то вспоминая,
русская берёза над тобой.
И к твоей могиле с обелиском
я сегодня мысленно иду.
Путь мой и нелёгкий, и неблизкий,
через годы, через темноту.
Но с пути мне этого не сбиться,
не споткнусь я и не упаду.
На Дунай по памяти приду,
чтоб твоей могиле поклониться
и сказать: «Прости мне, старшина,
все мои мальчишечьи проказы,
признаюсь: была моя вина
в том, что ты не выполнил приказа...»
Не уйти от горькой той вины,
от неё ничем не откупиться.
Оттого-то зарево войны
до сих пор мне помнится и снится.
А тебе уж не топтать траву,
не встречать рассветы и закаты...
Но поверь мне как солдат солдату —
я теперь за нас двоих живу.

Олег Головко родился за год до войны в селе Рахни-Сабови Винницкой области. Пережил фашистскую оккупацию, оставившую глубокий след в памяти. Окончил Томский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1974 году приехал в Тынду, был начальником отдела энергетике и связи Дирекции строительства БАМа. Руководил литстудией «Звено». Обладая неуёмной энергией организатора, оставил след и в истории Амурской писательской организации, став одним из её учредителей. После возвращения в 1979 году на Украину, в Кременчуг, издал ряд книг на русском и украинском языках.

Олег Головко

* * *

Я отца не пытаю
Про жестокость войны —
Всё по шрамам читаю,
По снегам седины.

Вечно носит с собою,
Словно пламени знак,
Он автографы боя,
Документы атак.

Мне поведали шрамы,
Как на огненный дот,

Беззаветно, упрямо
Шли солдаты вперёд.

Лишь осколки тревожат,
И зимой, и весной,
Боль отцовскую множат
Той далёкой войной.

Он заснёт — снова танки
Набирают разгон, —
И в смертельной атаке
Поднимается он.

Перевод с украинского И. Игнатенко

Тяжёлым катком проутюжила война детство **Геннадия Кузьмина**. Отец и мать будущего поэта погибли в блокадном Ленинграде. Оставшись сиротой, долго скитался по детским домам. Лишённый в детстве семейного тепла, во взрослой жизни создал большую семью, стал отцом пятерых детей. Окончил индустриальный техникум. Работал на стройках Севера и Сибири, прокладывал железную дорогу Абакан — Тайшет. В 1976 году приехал на БАМ, где окреп и развился его поэтический дар. Участвовал в возведении посёлков Могот, Муртыгит, Беркакит. Наряду с романтикой мирного созидания на просторах Сибири и Дальнего Востока, немало стихов посвятил теме Великой Отечественной войны.

После развала СССР уехал из Тынды, чтобы исследовать новую Россию. Побывал и за границей: жил в Торонто, где постигал азы бизнеса. Возвратился в столицу БАМа предпринимателем. Но врождённая страсть «уезжать, уплывать, улетать» взяла верх. Он и умер, как будто уехал куда-то ненадолго за новым приключением, оставив нам свои стихи, которые успел собрать только в две книжки, хотя написал гораздо больше.

Геннадий Кузьмин

***

Мой отец,
Наверно, был геологом...
А иначе — отчего во мне
Эта власть костров
Под звёздным пологом,
Эта тяга к чуткой тишине?!
Мой отец,
Наверно, был художником...
А иначе — отчего порой
Я люблюсь солнечной игрой
Свежих рос
На пыльном подорожнике?
Мой отец,
Наверно, был поэтом...
А иначе — как в меня вошли

Это диво музыки и цвета —
Вечная симфония земли,
Жизни нестигаемая правда,
Боль моя живая о земном?!
Мой отец
Погиб под Ленинградом.
Это всё, что знаю я о нём.

ХЛЕБ СОРОК ПЯТОГО

Я в первый класс
Ходил всего три дня.
А на четвёртый
Мне сказали прямо:
«Не приходи
Без папы или мамы», —
И за ворота вывели меня.
Давали хлеб!
Без карточек, за так...
И я, к шести
Два года прибавляя,
Учителей
Проворством изумляя,
Таскал его
В детдомовский барак.
Я за три дня
В трёх школах побывал!
Пока мою фамилию искали,
Пока из класса в класс
Переправляли,
Я понапрасну время не терял.

Гремел над миром
Сорок пятый год.
И той весной
По школам всей России
Бесплатный хлеб
По классам разносили,
И я с утра
Вертелся у ворот.

По праву духовного родства давно считает себя амурским поэтом гражданин Китая **Ли Яньлин**. Он родился в 1940 году в городке Бэйань провинции Хэйлунцзян. С детства полюбил русский язык, который преподавала эмигрантка. В школе начал читать русских классиков. Окончил факультет русского языка Хэйлунцзянского университета. Более сорока лет занимается поиском книг, газетных и журнальных публикаций и изучением творчества русских писателей-эмигрантов. Перевёл на китайский язык и издал пятитомник произведений русских писателей и поэтов, живших в Харбине и Шанхае в 20–40-х годах минувшего века. Награждён орденом Дружбы за большой вклад в развитие российско-китайских культурных отношений. Затем издал десяти томник

сочинений русских писателей-эмигрантов. Первым из китайских литераторов стал членом Союза писателей России. Автор четырёх книг стихотворений на русском языке. Избран иностранным членом Российской Академии наук. Вместе с братьями по Амурской писательской организации радостно встретил 70-летие Великой Победы, принёсшей мир и на его родину.

Ли Яньлин

КИТАЙСКИЕ ЛЬВЫ НА НЕВОЙ

О китайские львы! Вы стоите на невском берегу,
Как стояли нерушимо в дни блокады гитлеровцев.
С ленинградцами вместе вы одержали победу,
И никто вас не победит, как и ленинградцев.

Вы сегодня безучастно стоите, а мне кажется,
Что на Неву смотрите с особой улыбкою.
Улыбка эта очень тепла и сердечна,
И в то же время отмечена восточной мудростью.

Вы стоите безучастно, а мне кажется:
Вы слушаете Неву, её тихое журчание.
Слушаете время, которое толчками движется, —
Это Северной столицы сердцебиение.

О китайские львы! Замечательные львы!
Вы — посланцы Янцзы, стоите у Невы,
Символ дружбы между китайцами и русскими.
Будьте крепкими, стойкими и верными.

Упоминание поэтов, родившихся до Великой Отечественной, следует завершить именами, хорошо известными амурскому читателю. В их числе **Станислав Федотов**, **Жанна Ржевская**, **Игорь Файнфельд** и **Виктор Алюшин**. На войне и во фронтовом тылу были их отцы и матери, другие родные и близкие люди. Каждый из поэтов нашёл проникновенные слова и отлил их в стихотворную памятную бронзу.

Станислав Федотов

ОБЛАКА

Я люблю смотреть на облака.
С ними как-то мне
привольней дышится.
И как будто даже лучше пишется.
Мне под ними
сладко-сладко спится...
Но нередко детство Славки снится.
Я его сквозь линзу чётко вижу.
(Жизнь моя — той линзы толщина!)
Сорок первый. Август. Тишина.

Славка смотрит в небо пыльно-рыжее.
А на Славку,
Проглотив закат,
Лавой наползают облака.

Нет,
Такие
Дымкой не растают!
Шевелятся, лезут, нарастают!
Бомбовозы,
Танки,
Корабли
Небо прогибают до земли.
Чудища толпятся головастые
В кованых тяжёлых сапогах.
Молнии сплетаются,
Как свастики,
На покатых броневых боках.
Громыханье катится низами —
Ближе...

ближе!..

ближе!.. —

И внезапно

Очередь свинцовых крупных пуль
Пузырями вспучивает пыль.
Пули беспощаднейшие эти
Бьют
По замирающей планете,
Бьют по Славке,
По его игре,
Брошенной на маленьком дворе.
И мальчонке никуда не деться:
Низко-низко
Глыбы туч лежат...
Если б в детство можно было,
В детство,
Как бывало прежде,
Убежать,
Под его надёжную защиту
От обиды, страха, горьких слёз...
Только детство
Досками зашито,
Как в парадном двери —
Вперехлест...

...Облака,
Мне с вами просто дышится.
Облака, мне с вами легче пишется.
Мне под вами сладко-сладко спится.
До сих пор мне
Детство Славки
Снится.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДОРОГИ РОССИИ

1.

Дорога...

Расставания и встречи,

И провожания в армию святые.

Вокзал...

Холодный, хмурый, сирий вечер

Всё ждущей счастья женщины-России.

Там, где война гремела,

Были мины,

Где жизнь и смерть ничем не разделить,

Не только ты была железной,

Но и глиной

Тянула ты, дорога, жизни нить.

2.

Между «надеюсь» и «пока» —

Над косогором — облака

Над русским замерли покоем.

Там в избах — теплятся огни.

Ночь сумерки, таясь, сгущает.

Далёкий огонёк, мигни,

Твой свет мне душу освещает

И, утишая давнюю тревогу,

Ведёт вперёд,

Зовёт опять в дорогу

По верстовым своим столбам,

Где от рокады Сталинграда

Ты начинаешься, мой БАМ.

Игорь Файнфельд

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Века, омойте руки,

Чтоб день не повторять!

Хочу сквозь время проломиться,

Чтоб жертвы были вместо глаз,

Чтоб взгляд живой с умершим слился,

Слезой бессмертья грея нас.

Живых и умерших прошу —

Остановить мертворожденье,

Я Дня Победы повторенья,

Как вся Россия, не хочу!

Забиты гвозди вместо глаз,

И только шляпками вращая,

Душа моя в который раз

Постичь былое обещает.

Сдох бесноватый иезуит,
Стервятник, бьющийся со светом.
Кто ныне целит в нас ракеты —
Наследный гроб себе кроит!

Виктор Алюшин

22 ИЮНЯ

Пришёл тот первый день войны —
И будущего вдруг не стало
Для многих тысяч... Рёв металла
Нарушил царство тишины.

А день тот чёрный, как и все
Дни лета, начинался рано.
Купались ландыши в росе,
Клубилось облако тумана.

Шли двое в травах босиком,
И пробовали птицы голос.
Но в ясном небе грянул гром —
И небо точно расколосось.

Когда тот гром земли достиг,
Стократно осветив округу,
Не стало птиц и тех двоих,
Что шли, влюблённые, по лугу.

Счастье родиться в военные годы выпало немногим. Этот подарок судьбы стал огромной движущей силой. Но таких было очень мало, и понятно почему. Из тех, о ком я пишу, назову Леонида Андреева, Виктора Яганова и Геннадия Хорошавцева. Все трое родились в 1942 году, и это было неким призывом выстоять и победить. И они выстояли и стали поэтами.

Бывший рязанский детдомовец **Леонид Андреев** долго скитался по земле, жил какое-то время в Приамурье. Издал здесь свои первые книжки и уехал в Подмоскovie. Но мы его помним, ибо он оставил нам стихи, воплотившие его чувства и мысли.

Леонид Андреев

МОЕЙ МАТЕРИ

1.
Ты юной и нежной была,
Но рано все беды узнала,
Ведь юность и нежность дотла
Сгорели в войне небывалой.
Где ты похоронена, мать?
Я старше тебя и взрослее;
Ты рано ушла, чтобы стать
Сестрёнкой младшей моею.

2.

Все степени родства пора
Перечеркнуть. За гранью роста
Уже и мама мне сестра —
Не по родству, а по сиротству.

3.

Ты будешь вечно в сорок третьем
Тридцатилетнею. Прости...
Настанет время даже детям
Моим тебя перерастить.

Лет через тридцат, в День Победы
Сын скажет, захмелев слегка:
— Мы старше бабушек и дедов...
Спасибо им во все века.

Виктор Яганов родился в Благовещенске. Его предки, забайкальские казаки, осваивали амурские земли в XIX веке. Отец участвовал в советско-японской войне, командовал противотанковым орудием. От него будущий поэт запасался стойкостью, а у матери-учительницы унаследовал интерес к истории и русской литературе. Когда был призван в армию, стал, подобно отцу, артиллеристом. Уволившись в запас, устроился на завод «Амурский металлист». Окончив вечернее отделение коммунально-строительного техникума, работал на стройках Благовещенска сначала мастером, потом инженером.

Военная тема в стихах поэта перекликается с темой детства, с судьбой отца-фронтовика, матери и бабушки — тружениц тыла, определяет его подход ко всем событиям современности. Поэт умер 8 марта 2000 года от инфаркта в вагоне поезда, отправлявшегося из Благовещенска. Он торопился в посёлок Юхта на похороны молодого солдата, бывшего ученика своей сестры-учительницы, погибшего в Чечне.

Виктор Яганов

ЛЕБЕДА

Давным-давно, война тогда
Уже историей была,
Я думал, что произошла
От слова «лебедь» — лебеда.

Поныне помню осень ту,
Когда отец, простой солдат,
Меня привёл однажды в сад
И показал мне лебеду.

И семена той лебеды
Собрал в кулак и разбросал,
А мне, нахмурившись, сказал:
«Я это так, не для беды.

Я это так — пускай растёт,
Пусть расселяется в саду.
Беда увидит лебеду —
И повернётся,
И уйдёт».

Уроженец Кировской области **Геннадий Хорошавцев**, потеряв отца-артиллера на войне, десятилетним мальчишкой надел погоны суворовца, на долгие годы связав свою судьбу с армией. По окончании Московского высшего общевойскового командного училища командовал взводом в знаменитом полку имени Александра Матросова. Затем стал слушателем Военно-политической академии имени Ленина. В эту пору его стихи отметил Роберт Рождественский и рекомендовал столичным издательствам. Служил в Забайкалье, после увольнения в запас в звании майора в начале 1980-х приехал в Благовещенск, где и нашёл упокоение пятидесяти четырёх лет от роду, оставив нам три небольших книжки стихов.

Геннадий Хорошавцев

ПЕСНЯ СУВОРОВЦЕВ

В десять лет, когда нас
отучали от шума и гама
наша строгая форма
и взрослые наши дела, —
часто пели мы песню свою:
«Ненаглядная мама,
почему ты так рано
меня в СВУ* отдала?»

Так мы пели, что женщины,
это заслышав, немели.
Мы же пели и знали,
что мамы совсем ни при чём.
Просто мёртвые наши отцы
воскресать не умели.
И семью как могли
подпирали мы детским плечом.

«Чем я так провинился?» — мы пели,
и звёзды дрожали,
фонари над палатками плыли
зыбучим огнём.
...И доньше та песня,
случается, в сердце ужалит, —
как в отца угодивший осколок,
смертельным своим остриём.

* СВУ — суворовское военное училище

Победа в войне означала новое торжество жизни. Не скупой пайковой меркой радовали своих жёнущек возвратившиеся с фронтов солдаты, а огромной, выстоявшей и закалившейся в боях любовью. И пошли детишки, и загомонило звонкоголосо ребячье племя, вначале младенческим лепетом, а потом уже радуя родителей осмысленной речью и желанием бесконечного движения. И неплохие из них получились поэты, как показало недалёкое будущее. Среди них — **Алексей Воронков**, «сын двух капитанов-фронтовиков», как он сам себя называет. А военный журналист и заодно строитель БАМа **Александр Симаков** и сам стал капитаном.

Неугомонные барды **Григорий Шумейко** и **Александр Бобошко** ударили в струны гитар и воздали должное отцам и дедам, бабушкам и матерям, чьи судьбы стали прочной основой их сегодняшнего бытия.

На разные темы и в разной тональности повели свои песни **Надежда Пузыревская** и **Тамара Шульга**, **Валерий Черкесов** и **Евгений Замятин**.

Упругими ритмами заворожил читателя знаменитый бамовский поэт почётный гражданин Тынды **Владимир Гузий**.

Все они были настроены камертоном удаляющихся оружейных громов, у каждого было своё слово о воинской славе.

Валерий Черкесов

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

— Одноногий дяденька,

Что рыдаешь ты?..

Одноногий дяденька

Продаёт цветы.

Одноногий дяденька —

Чистильщик сапог.

Одноногий дяденька

Заболел и слёг.

— Одноногий дяденька!

Ордена несут.

— Одноногий дя-день-ка-а!

«Священная» поют.

Эта песня — болью

Навсегда во мне!

Третье поколение

Помнит о войне.

Алексей Воронков

***

Памяти родителей-фронтовиков

Схоронили маму. Больно...

Крик в душе, из горла стон.

Под звездой пятиугольной

Скромный холм, под ним схорон.

Батя сник, стоит растерян,
За грудиной пустота.
— Вот такая, брат, потеря, —
Молвит батя неспроста.

Знает, с маминым уходом
И его окончен срок.
Не осилит больше года —
Тут же лихо занемог.

Подошёл к глубокой яме,
Чьё в снегу скучало дно...
Рыли мы могилу маме —
И ему уж заодно.

Сам просил, чтоб были рядом.
За полвека, зная, привык.
...Глянул вниз потухшим взглядом
И вздохнул, и больше сник.

— Это мне? — спросил негромко.
— Да, тебе...
И тишина.
Снег. Январь. Мела позёмка.
— Ну, пошли. Прости, жена...

И ушёл он ждать исхода,
Мамой бредя до конца.
Не прошло потом и года —
Схоронили мы отца.

Он ушёл, как мать, негромко,
Как и жил. Такой венец.
Был декабрь. Мела позёмка.
— Ну, пошли. Прости, отец...

Евгений Замятин

* * *

Я не видел отца.
Нет, он мать и меня не бросал.
Говорят, кузнеца
Наш посёлок ловчей
Не знавал.

Говорят, он любил
На дороге встречать
Снегопад.
Говорят, он и жил
Для людей:
Чем богат, тем и рад!

Я не видел отца.
Он меня на руках не держал.

Жаркий ливень свинца
В сорок пятом атаку сорвал!..

И не выгустить грусть,
Не забыть,
Не простить до конца.
Я сегодня клянусь
У портрета солдата-отца,

Что под небом святым
Так же буду за край свой
Радеть,
И, как он, молодым,
Если надо, в бою умереть!

Тамара Шульга

* * *

Никогда о войне не писала, друзья.
Эта тема, казалось, совсем не моя.

И кони летели, и шёл майский снег,
И топал по снегу смешной человек.

Нёс свет на ладонях, покорный природе,
И слушал октавы осенних мелодий.

За дальнею сопкою гром прозвучал,
Как будто на память мою осерчал.

И кинулось эхо бродить над тайгой
Напоминая, рождённым войной.

Григорий Шумейко

ГРУСТНЫЕ СУМЕРКИ

В осеннем парке рядом на скамью
Хромой старик подсел ко мне случайно
И, как хмельной, кромсая боль свою,
Почти что час поил меня печалью.

Давясь тоской и дымом сигарет,
Ко мне на «вы», он говорил: «Поверьте,
Какой позор, что мне на склоне лет
Дают паёк, как будто бы от смерти,
За то, что мёрз, за то, что ели вши,
Мой пенсион — стриптиз умалишённым».

Он выдирал занозы из души
И в никуда глядел опустошённо.

«Послушайте, — старик взывал ко мне, —
Я много лет к постели был прикован...»
И всё язвил, что нынче льготы — тем,
Кто воевал на поле Куликовом.
Он убеждал, в худую грудь стуча:
«Я — фронтовик, я плакать не умею.
Какой дурак! Поверил сгоряча
Пустым словам, которые не греют.
Куда ни кинь — беда со всех сторон.
Да разве я один такой калека?»

И мне не голос слышен был, а стон
Уставшего от жизни человека.

А под конец он молвил: «Слышь, браток,
Не верь ты им, болтающим о счастье.
О нас с тобой не думает никто,
Любая власть живёт лишь ради власти».

Александр Симаков

ГОЛОС ПАВШИХ

...Меня убили в сорок первом.
Еще не вызрели поля...
И каждой клеткой,
Каждым нервом,
Тебя я чувствую,
Земля.
...Меня убили на рассвете.
Пылало небо над рекой...
Еще спокойно спали дети
Под нежной маминой рукой.
...Меня убили на границе.
Вдруг расколосась тишина,
Зловеще вспыхнули зарницы,
И ротный выдохнул:
«Война!»
...Меня убили под Москвою,
Земля качнулась подо мной...
И я упал,
Прикрыв собою,
Как школьный глобус,
Шар земной.
...Меня убили в Сталинграде,
Шёл бой жестокий за квартал...
Приказ наркома о награде
Меня живого не застал.
...Меня убили у Рейхстага.
Осколок в грудь мою вошёл...
Всего четыре близких шага
Я до Победы не дошёл.

...Меня убили у Харбина.
Нацелил смертник пулемёт...
Но мною посланною миной
Подавлен был
Японский дот.
Но вы не верьте похоронной...
Я с вами, люди!
Я живой!
Я — тот Серёжка с Малой Бронной,
Я — это Витька с Моховой.
Я — тот, кто шёл путём неблизким,
Убитым падал, но вставал.
Я — тот, в чью память обелиски,
Кто грудью доты закрывал.
Я — тот, чья воля не убита,
Я — ваш погибший сын и брат,
Я — тот, чьё имя не забыто...
Я — офицер...
Матрос...
Солдат...
...Я не погиб.
Я вместе с вами
Стою сегодня у станка.
Пишу стихи,
Тружусь на БАМе
И «Ил» веду сквозь облака.
Ращу пшеницу,
Строю школу,
Веду дочурку в первый класс.
Я — сталевар,
Чабан,
Геолог...
В дозоре не смыкаю глаз...
Я — с вами.
В каждой вашей жизни
Оставил я заметный след.
Я и сейчас служу Отчизне,
Которой в мире лучше нет.

Александр Бобошко

ШЕСТНАДЦАТЬ НАМОКОНОВЫХ

Картинка, как в фильме печальном:
Июнь. Жаркий полдень. Село.
В нём — памятник односельчанам,
Которых войной унесло
От хаты, от хлеба и мисок,
От поля, детишек, жены.
Вот — список, трагический список
Назад не пришедших с войны.

И ни о чём другом сейчас
Знать сердце не лежит.
Ты, Бибиково, слышишь нас?
Про них нам расскажи.

Вот двум не случилось вертаться.
А вот пятерых Бог не спас.
А этих... О ужас! — шестнадцать
Мелькает фамилия раз.
Затих каждый двор, переулок.
Отправился в бой сын и брат.
Шестнадцать их в раз не вернулось
Здоровых и крепких ребят.

Вся родова повыбитая...
Господи, спаси.
Подобных сёл, как Бибиково,
Сотни на Руси.

Они на войне погибали.
Как мухи мы мрём оттого,
Что всё у нас поотобрали,
Без выстрела без одного.
Слабо нам за правду подраться,
И мы от стыда не кричим.
Жаль, их не вернулось — шестнадцать
Красивых и крепких мужчин.

И палимся в иконы мы,
Властям поклоны бьём.
Шестнадцать Намоконовых
Погибли под огнём.

И кажется, здесь они, рядом.
Беседу чуть слышно ведут.
Они между раем и адом,
А мы и без ада в аду.
На нас они смотрят в смущенье.
Не могут понять нас, живых:
Ну что наши беды в сравненье
С невзгодами, бедами их.
Наш мир — это мир ассигнаций,
А цель — супермодный наряд.
Их враз не вернулось шестнадцать
На нас непохожих ребят.

Владимир Гузий

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Ни нефти, и ни леса, и ни газа,
Одно спасение — лишь наш газопровод.
Но европейцы порешили разом,
Что россиянам прав недостаёт.

Россию упрекая год от года,
(Упрёков россиянам и не счесть),
Европа выбрала себе одну свободу,
Одну великую свободу — сытно есть.

Когда державу за державою сдавали,
Когда Европа выжила едва,
Два моих деда жизнью отстояли
И для меня, и для моих детей права.

У поэта **Константина Корсака** сердце болит не только о Великой Отечественной войне. Он и сам воевал в Афганистане. Разные войны, что и говорить. А болит одинаково.

Константин Корсак

* * *

Я войну позабыть бы рад,
Но рубцом по всей памяти след:
У меня есть троюродный брат,
Не сказавший ни разу «дед».
Уходили, отвагой полны,
Всемером из семьи одной.
Ни один не пришёл с войны.
Не встречали врага спиной,
Не пугал их могильный тлен,
Не сломил страшный враг, и вот
Не сбежали, не сдались в плен.
Был на всех сорок первый год.
Не вернулись они с войны,
Не купили счастливый билет.

И ещё три амурских поэта, три молодые женщины. По праву материнства, уже состоявшегося и ещё грядущего, они создали свои стихи. Есть в них и отзвуки плача Ярославны, есть и своё личное.

Инга Соколова

* * *

Несчастен, кто не принял бой,
Кто избежал судьбы сражений
И не изведал поражений.
Не воевавший — не герой.

Борись, когда надежды нет,
Когда исход нам неизвестен,
Пусть про тебя не сложат песен
И ты умрёшь во цвете лет.

Тебя победа не приветит,
Ты вряд ли чаял похвалыбы.

На полуночные мольбы
Бог, сострадая, не ответит.

Я не прошу иной судьбы.
С моих костей срывает ветер
Белёсых нервов пелену.
Я стряхиваю страха сети
И отправляюсь на войну.

Елена Войтенко

У ВЕЧНОГО ЦВЕТКА ПАМЯТИ

Стояли мы у Вечного огня,
Дед за руку меня держал.
На тот огонь смотрел он сквозь меня,
А твёрдый подбородок... он дрожал.

Мой дедушка когда-то воевал,
Медали в красном бархате лежат...
Он матушку Россию защищал,
Теперь — воспоминанием объят.

И время не щадит его лица,
Высокий лоб морщинами покрыт.
Но знаю я, что силу мудреца
В себе всегда морщинок сеть таит.

Мы с дедушкой у Вечного цветка
Стояли, и он тихо мне сказал:
«Запомни, внук, победа нелегка, —
Сплотившись, весь народ её ковал!»

Евгения Бутова

ПАМЯТЬ О ДЕДЕ

*Посвящается моему дедушке
Николаю Васильевичу*

«Опять весна на белом свете», —
Поём мы песню раз в году
И вспоминаем о Победе,
Когда цветёт у нас в саду.

Храню медаль я «За отвагу»,
Что дед мой получил в бою.
Он честно выполнил присягу,
Отчизну защитив свою.

Медаль мне бабушка дала,
Чтобы её я сберегла,

Ведь дед на фронте ранен был,
И до меня он не дожил.

«Опять весна на белом свете», —
Поём мы песню раз в году.
Я буду вспоминать о деде,
Медаль отваги сохраню.

Конечно же, стихов о войне амурскими поэтами написано немало. И авторов тоже больше, чем вместил в себя этот очерк. Думаю, тема эта не иссякнет с годами, у неё глубокие корни. Ведь помним же мы «Слово о полку Игореве», пушкинскую «Полтаву», «Бородино» Лермонтова, песню Алексея Суркова и композитора Константина Листова «В землянке». Невозможно забыть глубоко лирические строки стихотворения Константина Симонова «Жди меня, и я вернусь...». Список этот можно длить и длить, он нескончаем. Есть в нём и строки поэтов-амурцев.

Нынче юбилей Победы, её 70-летие. Придут и другие юбилеи, и новые поколения появятся, чтобы осмыслить и прочувствовать подвиг народа, победившего фашизм. И эхо войны, распространяясь во времени и пространстве победившей Жизни, будет звучать и звучать не смолкая.